

Г.А. Семенихин

Над Москвою небо чистое

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Г11

Г11 **Г.А. Семенихин**
Над Москвою небо чистое / Г.А. Семенихин – М.: Книга по Требованию, 2021. – 236 с.

ISBN 978-5-458-03305-3

«Над Москвою небо чистое» – это одно из произведений советской литературы, правдиво рисующих суровую военную осень 1941 года, драматические события первого периода Великой Отечественной войны. Герои Геннадия Семенихина – простые советские люди, красота души у которых раскрывается в дни самых тяжелых испытаний. Летчики-истребители, защищавшие московское небо в грозном сорок первом году, – настоящие патриоты, вынесшие на своих плечах всю тяжесть оборонительных боев.

ISBN 978-5-458-03305-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© Г.А. Семенихин, 2021

Геннадий Александрович
Семенихин
Над Москвою небо чистое

Глава первая

— Где здесь командный пункт девяносто пятого истребительного полка?

Пожилой ефрейтор в вылинявшей от солнца и пота гимнастерке бросил неторопливый взгляд на двух незнакомых лейтенантов. Ефрейтор стоял на самой середине укатанной автомашинами профилированной дороги, утопая по щиколотку в пыли, стоял на том месте, где полагалось быть контрольно-пропускному пункту, полосатому шлагбауму и будочке. Все это заменял небольшой столбик, врытый на левой обочине. С прибитой к нему доски расплывчато смотрели черные, крупно, но неряшливо написанные буквы: «Стой! Предъяви пропуск! Здесь хозяйство Демидова».

За столбом ширилось выгоревшее на сентябрьском ветру желтое поле аэродрома. Над чахлой, вымершей травкой бугрились капоныры. Под сетками можно было разглядеть упругие тела лобастых зеленых истребителей И-16 и тонкие острые носы «Яковлевых». Над взлетной полосой клубилась пыль, оставленная только что взлетевшей шестеркой самолетов. Поблескивая на солнце остекленными пилотскими кабинами, машины с гулом пронеслись над аэродромом и, описав полукруг, улетели на запад. Часовой-ефрейтор посмотрел им вслед из-под дремуче рыжих бровей и опять перевел глаза на лейтенантов. Мимо ефрейтора то и дело сновали люди. Шли мотористы в промасленных комбинезонах, летчики в надвинутых на глаза синих пилотках, солдаты технического батальона с котелками в руках, и ни одного из них ефрейтор не остановил, ни у кого не проверил документы. А вот два молодых лейтенанта вызвали у него глухое раздражение. Слишком необычными казались они в этой обстановке. На обоих безукоризненно выглаженные темно-синие гимнастерки с нашитыми на рукавах тонкими золочеными уголками. Оба были перепопсаны такими новенькими скрипучими портупьями, что не могли не отличаться от тех мятых, пропыленных людей, которые ежеминутно проходили мимо часового. Даже легкий слой пыли не затмил блеска начищенных со старанием сапог лейтенантов. У каждого в левой руке было по аккуратному чемоданчику.

«С такими чемоданчиками им бы в дом отдыха или на футбольную тренировку», — неприязненно подумал ефрейтор и ладонью потер небритую проседь на щеке. Потом прищурился, словно желая рассмотреть лейтенантов получше.

Нет, они не были похожи друг на друга. Один из них был невысок. Обласканные теплым ветром светлые волосы выбивались из-под пилотки. Глаза смотрели доверчиво, даже оробело, и никакой холодной решительности, которая, по мнению ефрейтора, предполагалась во взгляде каждого летчика-истребителя, в них не было. Правда, лицо этого паренька, смуглое то ли от природы, то ли загорелое, придавало ему мужественность, но мягкие, нежно, совсем по-девичьи очерченные губы сразу же это впечатление рушили. Так и казалось — рассмеется этот лобастый синеглазый паренек и, несмотря на свои два кубика в петлицах, станет сразу похожим на десятиклассника.

Его напарник был высоким и угловатым. Острые лопатки выпирали под габардиновой гимнастеркой.

Длинным рукам было неспокойно, они постоянно находились в движении: то бриджи гладили, то дергали ремешок портупей. Густые соломенные волосы

небрежным чубчиком свисали на рыжую бровь, глаза смотрели на окружающее с дерзинкой. И усмешка на лице, осыпанном мелкими веснушками, была самоуверенной. Правую ногу он держал чуть согнутой в колене, острым носком буравил дорожную пыль. Эта вольная поза еще больше не понравилась часовому, и он сухо спросил:

– Так вам, стало быть, кого?

– КП девяносто пятого, – повторил рыжеватый лейтенант.

Ефрейтор, уловивший в его голосе нетерпение, нахмурился.

– А документы есть? – пробасил он с неожиданной строгостью, желая показать, что хозяин положения все-таки он. Это произвело впечатление. Лейтенанты переглянулись и торопливо извлекли из нагрудных карманов сложенные вчетверо листочки с печатями. Ефрейтор сначала взял листок у рыжеватого, растягивая слова, прочел:

– Лейтенант Во-ро-нов. Для дальнейшего прохождения службы. Так. А ваш документик?... Лей-те-нант Стрельцов. Хорошо.

Он поправил на плече ремень автомата и рукой показал на земляной кургантик, возвышавшийся над летным полем:

– Видите, товарищи командиры? Там и есть! КП девяносто пятого.

Лейтенанты кивнули головами, и один из них, тот, что был пониже ростом, сказал «спасибо». Ефрейтор проводил взглядом их удаляющиеся фигуры. Лейтенанты шли неторопливо, с интересом осматривая аэродром.

На половине пути высокий остановился и глубоко вздохнул:

– Вот мы и прибыли, Леша.

– Даже не верится, что так быстро, – подхватил второй лейтенант, и его лобастое лицо осветилось неуверенной, удивленной улыбкой. – Только подумать: еще вчера Сибирь... курсантская казарма с белыми полотенчиками, никакого тебе затемнения.

– О белых полотенчиках придется, пожалуй, забыть, – усмешливо протянул высокий.

Над их головами в иссиня-ярком небе послышался гул моторов. На большой высоте целым косяком тянулись в сторону города бомбардировщики. Надрывно, с перебоями выли моторы, и этот вибрирующий звук, временами переходивший в вой, неприятно резал слух.

– Это не СБ, – уверенно сказал один из лейтенантов.

– И не «пешки», – прибавил другой.

– «Юнкерсы», по-моему, – произнес рыжеватый, как ему казалось, беспечным, а на самом деле дрогнувшим от напряжения голосом.

Запрокинув голову, он смотрел вверх.

– Как думаешь, Леша, на аэродром развернутся или на город?

– Кажется, на город пошли, – тихо ответил второй.

– Почему же с аэродрома истребителей не подняли?

...Девятка за девяткой наплывали бомбардировщики на город, отстоявший от летного поля всего на несколько километров. В предзакатном солнце купались колокольни древних церквей, устремлялся ввысь острый шпиль пожарной каланчи. Из речной поймы взбегали на холм ровные строчки кварталов и улиц. Преобладавший в городских постройках белый цвет радовал глаз. Именно белый цвет делал город привлекательным даже издалека.

Отсюда, с аэродрома, не было слышно ни гудков автомобилей, ни грохота повозок. Древний этот город, прославившийся своими пряниками и церквями, казался безмятежно мирным, дремлющим на закате.

И вдруг раздирающий вой сирен поплыл над ним. Нестройно и хлопотливо забухали зенитки, пятная чистое, безоблачное небо. Сначала зенитные снаряды рвались редко и в стороне от бомбардировщиков. Но с каждой секундой в обстрел включались все новые и новые батареи. Черные шапки разрывов вспухали совсем близко от самолетов. Девятка вражеских бомбардировщиков перестала кружиться и понеслась вниз. Даже здесь, на аэродроме, лейтенанты слышали нарастающий свист. Стрельцов сдвинул руку своего товарища:

– Коля... Они сериями бомбят, а там, под крышами, женщины, дети...

– Тихо, тихо, – прошептал Воронов, не отрывая взгляда от городских зданий.

От сильного одновременного взрыва нескольких бомб вздрогнул воздух. Раскаленными волнами хлынул он в уши. Над белыми домиками, мирно гревшимися на солнце, вздыбились дымные столбы. Потом в небо взвилось пламя, словно вырвавшись из самой земли.

– Это он в бензосклад угодил, – услышали лейтенанты хрипловатый голос. Рядом, засунув руки в карманы поношенных бриджей, стоял загорелый узколицый летчик. Во рту, сдвленная зубами, торчала незажженная папироса. Летчик так и говорил, не вынимая ее изо рта. Воронов разглядел в петлицах три кубика.

– Товарищ старший лейтенант, – спросил Николай, – почему же с аэродрома никто не поднялся?

Незнакомый летчик выплюнул папиросу и презрительно посмотрел на носки его хромовых сапог.

– Ты бы, наверное, поднялся, желторотик! – выговорил он, молча повернулся к ним спиной и, не вынимая рук из карманов, зашагал прочь. Воронов обиженно посмотрел ему вслед, но тут же сделал вид, что не обратил внимания на грубую выходку старшего лейтенанта, и обернулся в сторону города.

Три высоких черных столба колыхались на ветру. Под одним из них бушевало оранжевое пламя. Фашистские бомбардировщики, сбросив груз, уходили от города, пересекая небо, рябое от зенитных разрывов. Ни один из них не загорелся, не упал на землю, не начал терять высоту. Плавное, с короткими переборами, выли моторы. Когда последняя девятка стала скрываться из виду, ей вдогонку откуда-то из-за леса со звоном поднялись две тройки тупоносых истребителей. Синеву воздуха разорвали красные трассы: стреляли истребители. В ответ огрызались с немецких бомбардировщиков стрелки-радисты. Воздушный бой отдалялся и затихал. Скрылись из глаз самолеты, только эхо от выстрелов еще с минуту стояло над землей.

– Интересно, сбили хоть один? – тихо сказал Стрельцов.

Воронов пожал плечами:

– Слишком поздно их подняли, «юнкерсы» уже сделали свое дело. Видишь, как горит.

– Ладно, Коля, пошли, – мрачно предложил Стрельцов, и они зашагали по аэродрому. На летном поле было затишье. Ни один самолет не взлетал и не садился. Лишь у некоторых капониров кучками стояли летчики и техники и, показывая в сторону города, обсуждали последствия налета. Наезженная автостартерами и бензозаправщиками дорога вела мимо капониров к командному пункту

истребительного полка, находившемся на опушке перелеска. Рыжие толстоствольные сосны шумели над землянкой. Чуть поодаль, в редколесье, стояла машина радиостанции. Землянка высилась над ровным полем аэродрома большим холмом. Был этот холм старательно выложен дерном и совершенно сливался с цветом пожухлой травы. Дверь из желтых неотесанных досок, ведущая на КП, открыта. В низком проходе, широко расставив ноги, стоял тот самый неприветливый старший лейтенант, который только что повстречался им на аэродроме. Воронову не хотелось снова с ним заговаривать, он с удовольствием прошел бы мимо него молча. Но старший лейтенант загораживал вход. И Воронову, как младшему в звании, полагалось попросить разрешения пройти. Он четко откозырял:

– Товарищ старший лейтенант, здесь КП девяносто пятого?

Зеленые глаза обдали его холодом.

– Ну здесь. А тебе кого надо? – спросил летчик грубо.

– Командира полка.

– Командира? Так ты его в госпитале ищи. У него вчера семнадцать осколков из ноги вытащили.

– Тогда заместителя, – после небольшой паузы сказал смутившийся Воронов.

– Ну проходи, – неохотно отодвинулся в сторону летчик.

Воронов первым переступил порог и спустился по крутым деревянным ступенькам. В самом низу лесенки он споткнулся и, удерживая равновесие, ударил о стенку чемоданом. Войдя, оба с удивлением осмотрелись.

Эта землянка была такой же тесной, сыроватой и темной, как и тысячи других землянок, разбросанных на всем протяжении огромного фронта от Белого до Черного моря. В ее подслеповатое оконце, застекленное желтоватым куском плексигласа, нехотя вползали рассветы, а в непогоду уныло стучали осенние дожди. Тонкая дощатая перегородка делила землянку на две половины: в первой размещался штаб полка, во второй на низких нарах находили себе приют летчики, коротая небольшие интервалы между боевыми вылетами. Так же, как и во многих других землянках, в штабной половине колыхался скупой свет подвешенных к потолку «летучих мышей», на стенках висели карты, и в углу, возле телефонов, подремывал оперативный дежурный. Было здесь скученно и шумно, наружная дверь непрерывно хлопала, впуская и выпуская людей.

На большом столе лейтенанты увидели пеструю карту района боевых действий, исчерченную красными и синими стрелками, скобками, кружками, заключающими в себе мелкие цифры. Синие стрелы, обозначающие продвижение противника, зловеще нависали справа и слева. Аэродром был на одном уровне с их остриями. Трое склонились над этой картой. Что-то показывал тонко отточенным карандашом молоденький небритый лейтенант седому худощавому капитану с косым шрамом на правой щеке и хрящеватым носом. Рядом, заложив за спину руки, в черном реглане внакидку, стоял средних лет старший политрук. У него было усталое широкое лицо и синие тени бессонницы под глазами. Густые нерасчесанные волосы падали то и дело на лоб, и, задумавшись, он машинально откидывал их. От всей его полной, даже несколько грузной фигуры веяло уравновешенностью. Острый карандаш лейтенанта обводил контуры большого селения.

– По данным оперативного отдела, Подлипки еще у нас, – докладывал лейте-

нант. – Бой идет на северной окраине села. А вот здесь противник вышел гораздо восточнее. До левого берега реки допер, – сказал и осекся, видимо устыдившись, что это вольное «допер» ворвалось в скупые точные фразы, которыми полагалось докладывать оперативную обстановку.

Пожилый капитан молча взъерошил жесткую седину на висках, а старший политрук без всякой интонации повторил:

– Действительно прет...

И трудно было понять, осуждает ли он немцев, настолько усталым был голос.

Длинным приглушенным звонком захлебнулся полевой телефон. Капитан с седыми висками снял трубку:

– «Ракета» слушает. Да. Петельников. Докладываю, товарищ Третий. Майор Хатнянский по вашему приказанию находится в готовности номер один. Поднимать в воздух? Есть разведать движение на участке Лазарева – Большие Развилки.

Капитан положил трубку, посмотрел на старшего политрука:

– Пойду выпускать майора.

– Один полетит? – недовольно нахмурился старший политрук. – Без прикрытия?

– Откуда же взять прикрытия? – горестно развел руками капитан. – Сами знаете, товарищ комиссар. Не от хорошей жизни одну машину в такое пекло посылаем. Все на задании, кроме капитана Боркуна. А его звено приказано держать в резерве.

– Плохо, – негромко сказал старший политрук. – Район разведки очень сложный... Пожелайте удачи Хатнянскому, начальник штаба.

Гремя сапогами, капитан Петельников пробежал мимо застывших в ожидании Стрельцова и Воронова. Он даже не взглянул на них. Он попросту их не заметил. Старший политрук молча присел на табурет и, опустив голову на широкие ладони, всматривался воспаленными от бессонницы глазами в пестрые контуры карты. Синие стрелки росли и двоились в глазах, и уже не карту, а землю, окутанную пожарами, видел перед собой старший политрук. Видел он дороги, какими совсем недавно отступал, города и села, где приходилось останавливаться, лесные массивы Белоруссии – над ними еще несколько дней назад дрался истребительный полк. Мысленно представлял он, как идут теперь по этим дорогам фашистские танки, вгрызаясь тяжелыми гусеницами в живое тело земли, как горят города и села и на некошеных пашнях в сивой осыпающей пшенице лежат убитые. Сорок первый! А он-то мечтал в этом году поехать вместе с Софой в Гагры, загорать на Кавказском побережье. Жена, уютная комната с тюлевыми занавесками, размеренная жизнь учебного аэродрома с подъемами и отбоями – где все это?

Старший политрук поднял голову, и тяжелая дрема попятилась, отступила. Усталые глаза остановились на незнакомых лейтенантах, с минуту, если не больше, удивленно смотрели на свежие ремни, опоясывающие их гимнастерки, на новые сапоги и петлицы. Все их чистое, ладно пригнанное обмундирование так не вязалось с окружающей обстановкой, с полутемным сводом землянки – оттуда время от времени падали тугие смолистые капли, – с темным окошком, выходящим на чистое поле, и с близкими чиханиями мотора – его, очевидно, запускал на своем истребителе майор Хатнянский.

Эти два свеженьких, чистеньких лейтенанта болезненно напомнили старшему политруку ту жизнь, что кончилась двадцать второго июня, – мирную жизнь военных аэродромов и авиационных городков, жизнь, включавшую в себя и отпуски, и выходные дни, и товарищеские вечеринки, и часы, проходившие в семье.

Было в этом неожиданном появлении лейтенантов что-то теплое, внесшее на мгновение покой и порядок в суматошную фронтовую жизнь. И голос старшего политрука обрадованно дрогнул, когда он спросил у стоявшего к нему поближе Стрельцова:

– Да вы откуда такие здесь взялись, товарищи?

Стрельцов быстро взглянул на Воронова. Так уж было у друзей заведено: если одному требовалось говорить за двоих – отвечал всегда Воронов. Он и в этот раз картинно подбросил ладонь к виску и отпарпоровал:

– Товарищ старший политрук, лейтенанты Воронов и Стрельцов после окончания авиационной школы направлены в девяносто пятый истребительный авиационный полк для дальнейшего прохождения службы.

Старший политрук встал, подошел к ним и протянул каждому руку.

– Будем знакомиться. Комиссар полка старший политрук Румянцев. – Он вскинул голову и не удержался от улыбки. – Экие вы нарядные, право, ребята. – Так ведь мы же прямо из школы, – смутился Воронов, – из далекого тыла.

– Долго к нам пробирались?

– Нет, товарищ старший политрук. Мы же авиация. До Волоколамска нас на Ли-2 подбросили, а оттуда на попутной машине.

Стекла землянки задребезжали от рева мотора. Румянцев, а следом за ним и оба лейтенанта посмотрели в высокое оконце, но так ничего и не увидели. Лишь по окрепшему гулу определили, что это пошел на взлет истребитель.

Румянцев кивнул лейтенантам:

– Садитесь, товарищи, за стол. Чувствуйте себя здесь как дома. Это ваш дом, товарищи лейтенанты. Да, ваш дом. И неизвестно насколько.

Стрельцов и Воронов, присев на узкую скамью, напряженно молчали под внимательным, чуть насмешливым взглядом комиссара. Румянцев полез в карман, достал пачку «Казбека», небрежно ее распахнул. На карту просыпались щепотки душистого табака.

– Закуривайте. Московские. Нас столица не забывает. Слишком уж мы от нее теперь близко... Ну, берите.

– Вот за это спасибо, – оживился Воронов. – За весь день ни одной затяжки не сделал.

– А ваш товарищ почему не берет?

– Он у меня одними леденцами питается, – усмехнулся Воронов.

– Что ж, – одобрил комиссар, – леденцы тоже дело не зряшное. – Он достал зажигалку, поднес ее к папиросе. Затяжку сделал глубокую, жадную. Потом внимательно прочитал их командировочные предписания и на уголке каждого сделал косую пометку: «Капитану Петельникову. Зачислить в штат». – Формальности, как говорится, соблюдены, – улынулся он. – Вернется со старта начальник штаба, вас разместит и поставит на довольствие, а теперь поговорим по существу.

Однако вновь затрезвонил телефон, и комиссар снял трубку:

– Старший политрук Румянцев у аппарата. – Его полное лицо с глубокими складками в улах рта сделалось напряженным. – Слушаю вас, товарищ Второй.

Майор Хатнянский уже более десяти минут в воздухе. Вероятно, подходит к линии фронта. Что, что? Какие американцы? Да, понимаю. Нет, не приходилось. Никогда еще не приходилось. Не беспокойтесь, товарищ Второй. Лицом в грязь не ударим.

Румянцев отошел от телефона и растворил дверь во вторую половину землянки, отделенную от первой перегородкой из неотесанных досок. Там были устроены двухэтажные нары, и на них в полумраке дремало несколько человек. Стояла невесть как попавшая сюда школьная парта, за ней четыре летчика в легких темно-синих комбинезонах ожесточенно резались в домино. Неярко горела «летучая мышь». Полосы бледно-желтого света вырывали из темноты кусок стены с наклеенным на него плакатом: простоволосая женщина с сухими от горя глазами прижимала к груди беззащитного ребенка и рукой указывала вперед. «Воин, отомсти!» – требовала она.

– А ну-ка, гренадеры, – повелительно, хотя и с добродушным смешком, произнес Румянцев, – всем до единого подъем. Срочно причесаться, застегнуться на все пуговицы, заправиться.

– Что за парад предстоит, товарищ комиссар? – сонно спросил с верхних нар большой, грузный летчик.

– Берите выше, капитан Боркун! Не парад, а целый дипломатический прием. Только что звонили из штаба. К нам выехали американские журналисты.

– Забавно, – усмехнулся грузный летчик и стал медленно и неуклюже сползать с нар. – А коктейль по этому поводу какой-нибудь выдадут?

Капитан встал на ноги и неожиданно оказался крепким мускулистым парнем. Широченные плечи и тяжелые, непропорционально туловищу длинные руки делали его огромным и нескладным. В полумраке казалось, что он едва-едва умещается под низким сводом землянки. У него были крупные черты лица: мясистый нос, большие уши, лохматые брови – и та неторопливость в движениях, какая свойственна очень сильным людям.

– На капитана Боркуна можете рассчитывать, товарищ комиссар, – сказал летчик, подтягивая к подбородку блестящую «молнию», – личный состав моей эскадрильи любую дипломатическую миссию выполнит.

– Верю, Боркун, – дружелюбно откликнулся Румянцев, – на вас, как на каменную гору, можно положиться.

Об одном прошу, покоррктнее, пожалуйста, с американцами.

– Учту, товарищ комиссар, – улыбнулся Боркун.

Летчики собрали домино. Кто-то прихватил огонь в лампе, кто-то вынул дешевое дорожное зеркальце, кто-то схватился за расческу. А у входа уже гудела штабная «эмка», доставившая в полк неожиданных гостей. Румянцев повесил реглан на вбитый в деревянную стену гвоздь и спокойно, осанисто пошел к выходу. Ему навстречу по узким ступенькам спускались приехавшие. В проходе стало темно. Приподнявшись на цыпочки, Алеша Стрельцов увидел несколько плиток и в их окружении шляпы.

Первым вошел в землянку батальонный комиссар с красным рябоватым лицом.

– Это заместитель начальника политотдела дивизии, – шепнул Стрельцову кто-то из летчиков.

За батальонным комиссаром появился худощавый седой капитан Петельни-

ков, успевший, как видно, встретить гостей при въезде на аэродром, а дальше шли американцы. Лейтенант Воронов удивленно подтолкнул Стрельцова локтем:

– Леша, глянь, с ними и дамочка.

С большим блокнотом в руке, чуть боком спускалась в землянку молодая женщина, придерживая рукой подол юбки. Стрельцов внимательно ее рассматривал. Американке лет тридцать, не больше. Расстегнутый пыльник с откинутым на плечи капюшоном, на ногах коричневые туфли на толстой резиновой подошве. Светлые, коротко стриженные волосы, чуть подкрашенный рот, очки в позолоте, а за их стеклами молодые голубоватые глаза. Честное слово, если бы встретил ее Алеша Стрельцов в родном Новосибирске на Красном проспекте, ничего бы не нашел ни в лице, ни в одежде примечательного. Осторожно подерживая ее под локоть, шел пожилой мужчина с брюшком под полосатым джемпером. И замыкал шествие молодой смуглый американец в сдвинутой с шиком на правую бровь серой шляпе.

Старший политрук Румянцев шагнул навстречу гостям, коротким кивком головы их приветствовал. Его усталое лицо несколько оживилось. Батальонный комиссар сказал, обращаясь к молоджавому американцу:

– Мистер Грей, прошу знакомиться. Комиссар полка Румянцев. В данное время он исполняет и обязанности командира полка.

– О! – воскликнул американец, энергично пожимая Румянцеву руку. – Разве у вас комиссары командуют авиационными полками? Парадокс! Комиссар, как бы это выразиться... – американец замялся, подыскивая нужные русские слова, – политический воспи-та-тель... Это – пропаганда! – И он, прищелкнув пальцами, поднял вверх руку, с явным самодовольством поглядев на своих коллег.

– Вы не совсем точны, мистер Грей, – улыбнулся батальонный комиссар. – Действительно, наши комиссары чаще занимаются именно тем, что вы именуете пропагандой. Однако бывают случаи, когда им и командовать полками приходится.

Американец стремительно повернулся к Румянцеву и снова весело прищелкнул пальцами:

– О да! Но авиационным полком? Для этого, как я понимаю, комиссар должен уметь летать.

– У нас комиссары летать умеют, – спокойно проговорил Румянцев и протянул руку женщине. Она брызнула в ответ белозубой улыбкой, запинаясь, с тем усилием, без которого ни одному человеку не удастся произнести несколько слов на малознакомом языке, сказала:

– Я не понимаю по-русски. Дженни Гретхем. Ассошиэтед Пресс.

– Билл Фред, – отдуваясь, представился одутловатый пожилой американец в полосатом джемпере. Он снял шляпу и стоял, обмахиваясь ею. Светлые навывкате глаза торопливо скользили по лицам, и было трудно понять, с интересом или безразлично оглядывают они летчиков.

Оттесненные, что называется, на второй план, Алеша Стрельцов и Воронов оказались за спинами летчиков и техников. Приподнявшись на цыпочки, из-за широкого плеча Боркуна Алеша видел гостей, синие глаза его ширились от любопытства. Никогда в жизни не приходилось ему встречаться с американцами. Как и многих других юношей его возраста, Алешу сильно интересовала чужая далекая страна Америка с ее небоскребами и водопадами, с приключениями